

деревень. Так, в деревне Тиневичи, расположенной в Кореличском районе на берегу озера Свитязь, отечественный инвестор создает туристический комплекс в виде традиционной белорусской деревни. Аналогичные проекты реализуются в Витебской и Минской областях. Инвесторы приобретают сразу несколько пустующих домов в деревнях и используют их в туристических целях, максимально сохраняя их аутентичный вид. Надо сказать, что подобные проекты довольно перспективны для Беларуси, особенно это касается Витебской и Гродненской областей, где преобладают хутора и деревушки на 20–30 домов, по большей части пустующих. Созданные на их базе туристические комплексы помогут вдохнуть вторую жизнь в опустевшие стены.

Очень важным направлением является восстановление родовых усадеб, которых в стране больше тысячи; многие из них сохранились лишь в виде фрагментов и находятся практически на грани исчезновения. В 2013 г. предприниматель Павел Подкорытов приобрел заброшенную усадьбу в д. Подороск в Волковысском районе, в которой после реконструкции планирует создать музей белорусской шляхты. И это не единственный пример возрождения белорусской усадьбы за счет средств частного инвестора.

Перечисленные выше примеры позволяют говорить о существовании в белорусском социуме определенной общественной философии, основанной на социальной ответственности граждан, генерирующих практические идеи сохранения и возрождения национального достояния Беларуси.

О. М. Соколова,
*соискатель ученой степени кандидата культурологии,
Белорусский государственный университет
культуры и искусств*

МИНСКИЙ ТЕКСТ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Активное осмысление города как текста в XX – начале XXI в. обусловлено изучением специфики текста в рамках концепции структурализма, согласно которой строение культуры подобно на строение языка (К. Леви-Стросс). В научную прак-

тику введены понятия «петербургский текст» (исследования Н. П. Анциферова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и др.), «московский текст» (Е. Е. Левкиевская, Н. В. Корниенко), «пермский текст» (В. В. Абашев). Урбанистическая тема в основном разрабатывается на основе рассмотрения художественных текстов (например, исследование Л. С. Прохоровой посвящено «лондонскому тексту» русской литературы, «венетцианский текст» исследуют Н. Е. Меднис, А. Н. Кунусова, «Крымский текст» – А. П. Люсый, «пражский текст» в чешской литературе анализирует А. Е. Бобраков-Тимошкин и т. д.). Безусловно влияние художественных произведений на восприятие городского пространства, однако для культурологического исследования городской текст – это культурное пространство города в целом. Так, согласно Ю. М. Лотману, город «представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням...»: «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [4, с. 325].

В. В. Абашев отмечает, что «в рамках концепции семиосферы понятие текстуальности уже не ограничивается областью литературы и даже культуры в ее узком понимании. Оно охватывает предельно широкую сферу результатов информационно-творческого взаимодействия человека и действительности, его повседневного поведения. В частности, признак таким образом понятой текстуальности вполне корректно определяет место жизни человека в его семиотической проекции, через которую место входит в семиосферу национальной культуры как один из ее топосов» [1, с. 9], а «наиболее очевидный критерий значимости того или иного элемента городской или региональной семиотики состоит, во-первых, в том, насколько он актуален в контексте национальной культуры, а, во-вторых, каким мифогенным потенциалом он обладает» [2].

Осмысление города как текста предполагает наличие в системе таких элементов, как язык и читатель. По словам В. Н. Топорова, город «имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят

как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [6, с. 42]. В прочтении города Н. П. Анциферовым, В. Н. Топоровым, Ю. М. Лотманом [3; 4; 6], Г. Зиммелем («Рим. Флоренция. Венеция», пер. с нем. А. Филиппова-Чехова, 2014), В. Беньямином («Берлинская хроника», пер. с нем. Е. Павлова, 2005) и др. каждый отдельный городской организм рассматривается как индивидуальность, обращается внимание прежде всего на символическую организацию городского пространства. Город становится символом, посланием будущим поколениям, для него характерны имажитивность (мышление образами), следствием чего является стремление к созданию бренда города, рациональность (принцип рационального планирования Ле Корбюзье), универсальность, конструктивизм.

Перспектив послевоенного Минска, его монументальные дворцы, парки призваны были увековечить советскую эпоху, символизировать парадность белорусской столицы, многочисленные памятники и архитектурные сооружения олицетворяют победу над фашизмом (Дворец Республики, площадь Победы, легендарный Т-34 возле Дома офицеров, обелиск (стела) «Минск – город-герой» – архитектурно-скульптурный комплекс с бронзовой скульптурой женщины «Родина-Мать» – символом Победы и Славы и др.). О суверенности, исторической памяти, преемственности духовных ценностей в архитектуре современного Минска свидетельствуют, например, Дворец Независимости, здание Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, лучи из стали на фасаде которого символизируют салют Победы и 1100 дней оккупации Беларуси, символичность места закреплена традицией организации салюта возле стелы. Это также отражено в городской топонимии: проспект Победителей, площадь Победы, парк Победы, площадь Независимости, площадь Государственного флага и др.

Определить, что такое минский текст – значит выявить его структуру, содержательные и смысловые особенности, контекст, уникальность. Для этого необходимо обозначить признаки текстуальности города.

Выявление признаков текстуальности города базируется на понимании их подвижности, изменчивости, размытости и

взаимосвязанности. Прежде всего это понимание целостности минского текста, определяемой наличием замысла и имени, информативности, заключающейся в транслировании информации (известной и новой), и смысловой цельности. Эти критерии можно отнести к системообразующим. Смысловая согласованность (когерентность), связность элементов структуры минского текста (текстов, знаков, символов и др.), т. е. представление о городе как о модели мира, воспринимаемость, системность, конситуативность (контекстуальность, ситуационная обусловленность – развертывание текста в контексте актуальности и уместности использования) и интертекстуальность (соединение текстов прошлого и современности) – характеризующие критерии текстуальности.

Минский текст – вместилище текстов и часть более масштабного целого. В основе городского текста находится идея города. Минск – официальный главный город страны воплощает государство и рассматривается как идеальная, строго организованная модель, расположенная в центре. Город входит в семиосферу белорусской культуры, являясь ее топосом, административно-политическим, экономическим и культурным центром государства, что отражено в формировании архитектурного образа города. Столичный статус предъявляет особые требования к городу как символу страны. Символизируя государство, Минск обладает своей символикой – герб, флаг и гимн.

Минск – конкретный культурно-исторический организм, символическое место Беларуси, характеризующиеся центральным положением, открытостью пространства, некоторой темпоральной замедленностью, городу присуща метафора застывшего, остановившегося времени, концентрацией идеологической и культурной символики.

Городу свойствен переменный тип генезиса – столица удельного княжества, центр Минского воеводства, Минской губернии, столица БССР, Республики Беларусь, – Минск неоднократно менял статус и не всегда был столицей. С течением времени изменяется идея города. В настоящее время он из советского столичного города становится столицей независимого государства, европейским городом.

Семиотический образ города – это система воспринимаемых взаимосвязанных знаков и символов, формирующих смысло-

вую модель – каркас города, который складывается из элементов архитектурно-пространственной городской среды, включающих знаки столичной семантики: сосредоточение архитектурных сооружений, связанных с высшими органами государственной власти (Дом правительства, здания Исполнительного комитета Минского городского Совета народных депутатов, резиденции Президента Республики Беларусь на улице Карла Маркса и др.), концентрация всех видов культурной и научной деятельности (Национальный художественный музей, Национальная библиотека Беларуси, Национальная академия наук Беларуси, Белорусский государственный университет, Национальный академический Большой театр оперы и балета и т. д.). Сгущение элементов семантики столицы наблюдается на территории правительственного центра общегосударственного значения, являющегося важной и содержательной частью семиотического каркаса. Объектами, выражающими статус города, выступают главная улица, система площадей, ее участки и их внутреннее наполнение. Композиционная ось Минска – проспект Независимости начинается с площади Независимости с Домом правительства и Мингорисполкомом, следующий центр – Октябрьская площадь (первоначальное название – Центральная площадь) с Дворцом Республики и находящейся рядом резиденцией Президента Республики Беларусь, далее – площадь Победы; также в качестве нового государственного и идеологического центра выступает часть проспекта Победителей, включающая площадь Государственного флага, Дворец Независимости и парк Победы. Таким образом, можно отметить, что структура центра Минска определяется его столичным статусом как главного политического и административного города страны, средоточия высших органов власти, экономической, финансовой, научной и культурной жизни республики, а переменность центрирования городского пространства, перекодирование осуществляются в соответствии с ситуацией.

Город создает элитарную культуру, искусство, так называемые престижные тексты (официальные, ритуальные, сакральные, поэтические), становится площадкой для международной коммуникации. В современный глоссарий в связи с событиями в Украине вошли такие понятия, как «минская площадка», «минские встречи», «минские соглашения», означающие возможность сесть за стол переговоров, услышать друг друга, догово-

ряться, надежду на мирное решение, символизирующие понимание идентичности Минска как города мирного, дружелюбного государства.

Минский текст складывается из многих структурных элементов-символов, городских топосов: улицы, проспекты, дома, театры, храмы, кладбища – некоторые из них рассматривались нами ранее [5, с. 18–22]. Устойчивые его элементы, принадлежащие разным временным слоям памяти, такие как проспект Независимости, Ворота города, Красный костел, Дом правительства, Троицкое предместье, Свислочь, Немига, Верхний город, Национальная библиотека и др., делают его узнаваемым в ряду других городов.

Наличие разнообразных средств выражения семантики текста Минска позволяет сделать вывод о том, что минский текст, как и любой другой городской текст, необходимо рассматривать как структурно-семантическую категорию. Минский текст – осмысленное intersubъективное пространство, конституируемое его жителями, т. е. ценностный статус объектов города определяется восприятием его обитателей. В то же время это амбивалентная пространственно-временная категория, соединяющая личное с глобальным.

Минский текст – структурно-семантическая категория белорусской культуры, обладающая определенным набором устойчивых элементов, состоящая из объектов Минска культурного характера (т. е. имеющих ценностный статус), обеспечивающих структурно-образное единство и индивидуальность города.

Многомерность категории «минский текст», его многоструктурность, семиотическая неоднородность, многослойность, перекодирование в соответствии с ситуацией, наличие средств выражения на всех уровнях системы белорусской культуры обуславливают и его многостороннее исследование в рамках структурно-семиотического подхода.

Рассматривая Минск как текст культуры, мы расширяем представления о символическом пространстве культурной памяти города, что дает новые возможности для изучения феномена города и городской культуры.

1. Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермский текст в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 2000. – 404 с.

2. *Абашев, В. В.* Пермский текст в русской культуре и литературе XX века : дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / В. В. Абашев. – Екатеринбург, 2000. – 448 л. – URL: <http://www.dissercat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-i-literature-xx-veka>. – Дата доступа: 29.12.2014.

3. *Анциферов, Н. П.* Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пг. : Брокгауз-Ефрон, 1924. – 86 с. ; Его же. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. – 2-е изд. – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. – 151 с. ; Его же. Как изучать свой город. – М. ; Л. : Госиздательство, 1929. – 119 с. ; Его же. Душа Петербурга. – Paris : Ymca-press, 1978. – 226 с. ; Анциферовы, Н. и Т. Город как выразитель сменяющихся культур: Картины и характеристики / Н. и Т. Анциферовы. – Л. : Брокгауз-Ефрон, 1926. – 224 с. ; Их же. Жизнь города. – Л. : Брокгауз-Ефрон, 1927. – 299 с.

4. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

5. *Соколова, О. М.* Семиотическое пространство Минска: символика города / О. М. Соколова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2014. – № 2(22). – С. 11–25.

6. *Топоров, В. Н.* Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство-СПБ, 2003. – 617 с.

В. Р. Языкович,

кандидат философских наук, доцент,

Белорусский государственный университет

культуры и искусств

ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Одним из важных направлений деятельности ученых Белорусского государственного университета культуры и искусств является изучение тенденций динамики религиозного сознания в белорусском обществе, в том числе изменение духовно-нравственных предпочтений студенческой молодежи. Понимание религии как важнейшего измерения духовной жизни общества было присуще Ядвиге Доминиковне Григорович. Как ученый и будучи ректором университета, она уделяла большое внимание проблемам духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи. Дисциплины религиозоведческой направленности («Философия религии и религиоведение», «Религия и культура», «Священные тексты мировых религий» и др.)